

Кіевская Мисль.

Пятница, 18 Іюня 1910 г.

№ 25.

Приложеніе къ № 166.

Къ 150-лѣтію со дня рожденія автора „Марсельезы“.

Пильсъ. Руже-де-Лиль поетъ въ первый разъ „Марсельезу“ у мэра г. Страсбурга.

Шопоть лѣса.

Я вновь въ лѣсу, гдѣ мы прощались,
Томясь разлукой и скорбя,
Гдѣ сосны медленно качались
И мнѣ шептали про тебя...

Какъ грустно было разставанье,—
Печалень былъ осенній день,
Надъ царствомъ сна и увяданья
Ложилась траурная тѣнь.

Я помню, лѣсъ ронялъ мнѣ слезы,
Томила скорбь больную грудь,—
А впереди видѣлись грозы
И темень былъ зловѣщій путь...

Но годъ прошелъ, и миновали
Дни злыхъ тревогъ и зимнихъ бурь,
И новой жизнью засіяли
И лѣсъ и синяя лазурь...

И солнце льетъ потоки зноя,
Сверкая струйками огня,
И снова небо голубое,
Смѣясь, привѣтствуетъ меня...

И сосны шепчутся пѣвуче,
Купаясь въ синевѣ небесъ,
И вновь меня обнялъ могучій,
Знакомый, темный, гордый лѣсъ...

Но нѣтъ тебя... Ты не вернулась, —
И я, какъ прежде, сиротливъ,—
И небо тьмою затянулось,
И лѣсъ пустынно-молчаливъ...

И мнится мнѣ: въ странѣ далекой,
Гдѣ холодъ, тьма и ночь царить,
Въ глухой тюрьмѣ, колдунъ жестокой
Мою царевну сторожить...

И думы, быстрыя, какъ птицы,
Летятъ съ зловѣщимъ крикомъ: „месть!..
Спѣши скорѣе изъ темницы
Царевну вырвать и унести“...

И, словно думамъ отвѣчая,
Горячимъ въ глубинѣ души,—
На грозный бой благословляя,
Мнѣ шепчетъ лѣсъ: „спѣши-спѣши!“

.....
Михаиль Гальперинъ.

Писательница Ю. Безродная (†).

мракъ и большія зеркала отражали какія-то таинственныя формы. Обитательницы салона расположились на диванѣ, который тянулся вдоль стѣны и испытывали волшебное наслажденіе, погружаясь подъ звуки музыки въ какія-то религіозныя переживанія.

Но теперь, когда зажгли электричество, мистическое настроеніе было нарушено, онѣ увидали другъ друга въ разныхъ позахъ на диванѣ и ихъ враждебныя инстинкты сразу проснулись:

— Ты бы могла не курить, Помпонъ. Я нарочно зажгла курительную бумагу, чтобы здѣсь пахло, какъ въ церкви!

— Отстань, Фанюшъ,—лѣниво отвѣчаетъ Помпонъ, раскинувшись на диванѣ и забросивъ ногу на ногу.

А. Е. Ефименко, получившая отъ харьковскаго университета званіе доктора исторіи за свои научныя труды.

Сонетъ.

Изъ книги *Иова*.

Приди ко мнѣ. Какъ искры къ небесамъ,
Я вознестись хочу въ страданія безконечномъ,
Приди ко мнѣ, мечтать хочу о вѣчномъ,
Прильнувъ къ твоимъ волнистымъ волосамъ.
Покорный медленно карающимъ часамъ,
Хочу повѣрить я въ лучистое мгновенье,
Познать экстазъ горячаго моленья,
Отдать себя явленнымъ чудесамъ.
Приди, любимая, ко мнѣ въ разсвѣтныя
часть,
Заворожи меня улыбкою нетлѣнной,
Дай небо синее твоихъ бездонныхъ глазъ.
Простертое надъ думой сокровенной...
И если есть Владыка надъ вселенной,
Въ него повѣрю я на мигъ въ разсвѣтныя
часть.

Мих. О.

ПАРИЖСКІЯ КАРТИНКИ.

Шарль-Генри-Гиршъ.

(Перев. съ франц. Н. Самойловой).

II.

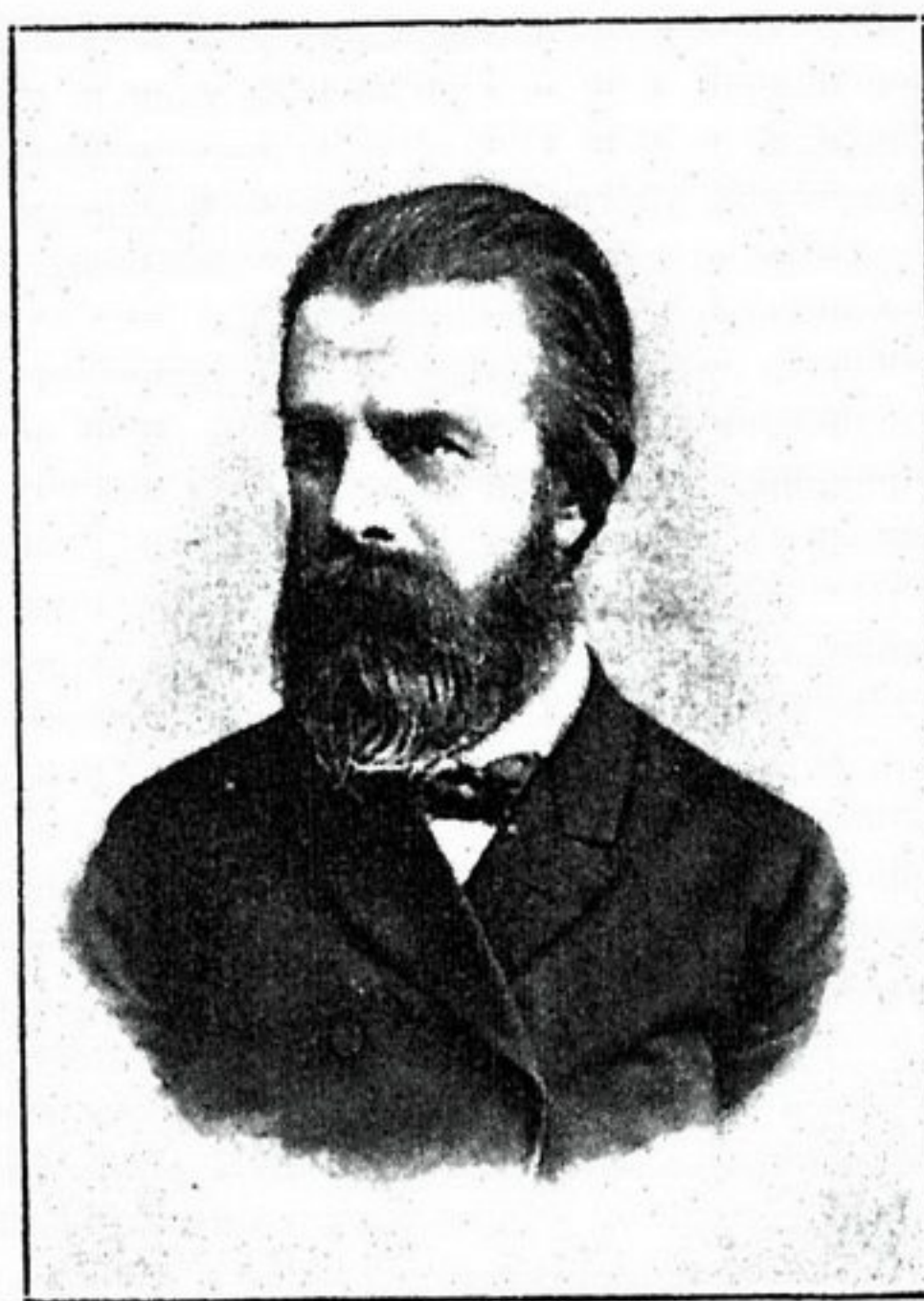
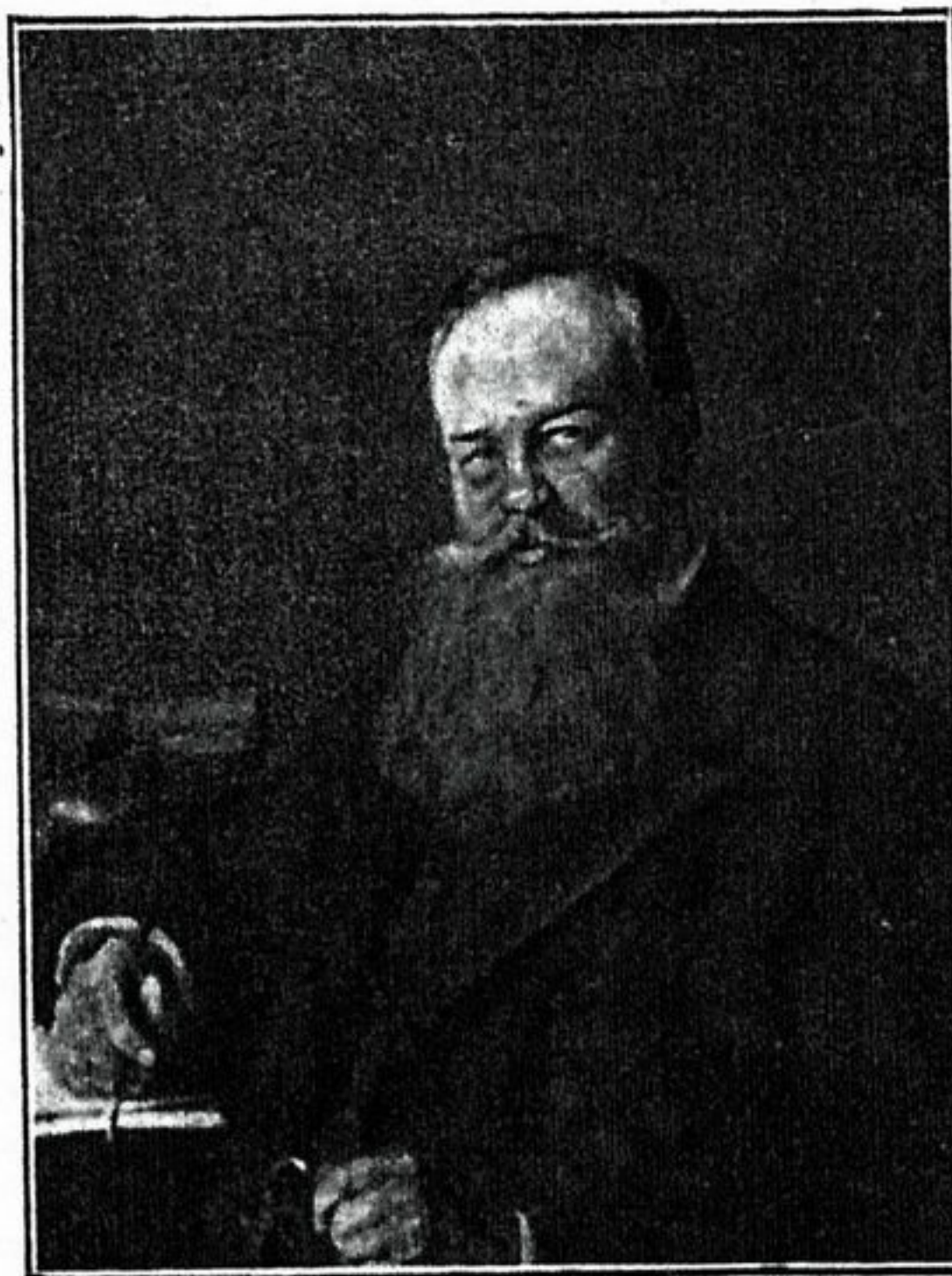
Ея дѣвочка.

Раздался звонокъ и всѣ женщины вспо-
лошились: кто теперь вдругъ такъ рано за-
брелъ сюда?

Было такъ хорошо и отрадно. Кто при-
шелъ беспокоить ихъ?

Леа, которую прозвали „гувернанткой“ за ея хорошее воспитаніе, перестала пѣть, но продолжала сидѣть за роялю, въ экстазѣ, подъ впечатлѣніемъ только что пѣтой ею аріи Гуно „Ave Maria“.

Въ цѣляхъ экономіи, madame не велѣла зажигать огня. Въ салонѣ царилъ полу-

М. П. Драгомановъ.
(Къ 15-лѣтію со дня смерти).Проф. М. Грушевскій,
(Къ 25-лѣтн. юбилею).

Ея взглядъ слѣдитъ за блѣдными арабесками дыма ея сигары.

Помпонъ любитъ загадывать на эти кольца. Вотъ одно все кружится въ воздухѣ, долго, долго, и то, что оно такъ медленно разсѣвается, кажется ей хорошей примѣтой. Но Фанюшъ быстрымъ движеніемъ вѣера разрушаетъ колечко.

— Негодная!—вырывается возгласъ негодованія у Помпонъ.

— Повтори, что сказала!—грозно заявляетъ Фанюшъ и, упершись руками въ бока, подходит къ своей противницѣ.

Но въ это время раздается мужественный и внушительный голосъ madame, напоминающій приказъ воеводы:

— Mesdames,—тише, сюда идутъ!

Одна изъ женщинъ, подошедшая изъ любопытства къ дверямъ, узнаетъ въ неожиданномъ гостѣ мадемуазель Флору, у которой сегодня выходной день.

— Отчего ты не позвонила въ другой звонокъ?—сухо спрашиваетъ „гувернантка“.—Мы здѣсь занимались музыкой.

— Это правда, — послышался чей-то утомленный голосъ,—было такъ хорошо,—мы обо всемъ забыли...

— Я очень извиняюсь, — проговорила мадемуазель Флора,—я не подумала объ этомъ... Я, вѣдь, пришла отъ своей дѣвочки... и тогда... тогда... я ничего не помню...

Глаза всѣхъ устремились на Флору. Не будь она въ этомъ салонѣ, ее можно бы принять за прислугу изъ хорошаго дома: въ темномъ платьѣ, бумажныхъ перчаткахъ, съ гладко зачесанными волосами подъ скромной, черной шляпкой, она производила впечатлѣніе горничной. Другія одновременно завидовали ей и жалѣли ее за то, что у нея ребенокъ.

— Разъ она была у своего ребенка—значитъ, всѣ наши порученія не исполнены,—заявляетъ недовольно Фанюшъ.

— Не сердись, Фанюшъ... мнѣ такъ было тяжело сегодня... я спѣшила скорѣе вернуться...

Madame громко сморкается. У нея очень чувствительное сердце и, кромѣ того, она вспоминаетъ собственныя разочарованія молодости. Закрывая цѣломудренно рукой

затуманенныя слезами глаза, она командуетъ:

— Тушите электричество, mesdames.

Ея голосъ, въ которомъ слышатся слезы, и внезапное наступленіе полутьмы одинаково вліяютъ на всѣхъ другихъ несчастныхъ.

Флора подбѣгаетъ къ мадамъ и бросается въ ея объятія.

— О, madame, — шепчетъ она сквозь слезы.

И чувствуя состраданіе madame, она прячетъ свою голову на ея безконечно широкой груди. Ей казалось, что вмѣстѣ со слезами уходитъ ея горе и что нѣтъ у нея лучшаго убѣжища, какъ сочувствующая дружба madame.

Madame проводитъ по ея плечамъ своими большими, жирными, короткими руками.

— Плачь, плачь, — повторяетъ она, — хорошо плакать, — плачь... плачь...

Это обращеніе на „ты“ замѣняло Флорѣ самыя краснорѣчивыя слова утѣшенія. И она рыдала, не пытаясь сдержать слезы, желая казаться очень несчастной передъ своими товарками, а также вызвать все состраданіе madame, на которое послѣдняя была способна...

— О,—о, madame! — всхлипывала несчастная дѣвушка-мать.

„Гувернантка“, взявъ сначала осторожно нѣсколько аккордовъ, снова начала играть, а затѣмъ послышались латинскія слова прекрасной аріи „Ave Maria“.

И растроганныя души воспринимали эту музыку, словно какую-то божественную мелодію. И, хотя въ голосѣ Лей не было особенной мягкости и онъ мало походилъ на отзвуки рая, всѣмъ слушавшимъ ее казалось, что въ эту комнату спустилась съ неба Святая Дѣва, въ голубомъ одѣяніи, окруженная хоромъ ангеловъ. И онѣ молились, сами не сознавая этого, нѣкоторые горько плакали, словно послѣ перваго паденія. Прозвучалъ послѣдній аккордъ, и воцарилось молчаніе.

Но Фантомъ зажгла курительную бумагу, и настроеніе было нарушено.

Голова Флоры все еще покоилась на груди madame, она слышала, какъ сердца ихъ бьются въ унисонъ. И ей хотѣлось умереть, чтобы избѣгнуть страданій. Все снова и снова вставалъ передъ ея глазами образъ ея дѣвочки — маленькое круглое личико, съ ямочками на щекахъ, толстыя ножки, крохотныя ручки, молочные зубы, похожіе на крупинки риса — образъ ея родной дочур-

ки, такъ неожиданно появившейся на свѣтѣ Божій, неизвѣстно отъ кого...

Madame раньше всѣхъ вернулась къ дѣйствительности.

— У васъ еще два часа свободныхъ, — обратилась она къ Флорѣ. — Я отпустила васъ до одиннадцати. Но я совѣтую вамъ привести себя немного въ порядокъ, это разсѣетъ ваши мысли. Я вмѣстѣ съ вами подымусь наверхъ, вы мнѣ расскажите подробности обо всемъ, пока другія будутъ обѣдать.

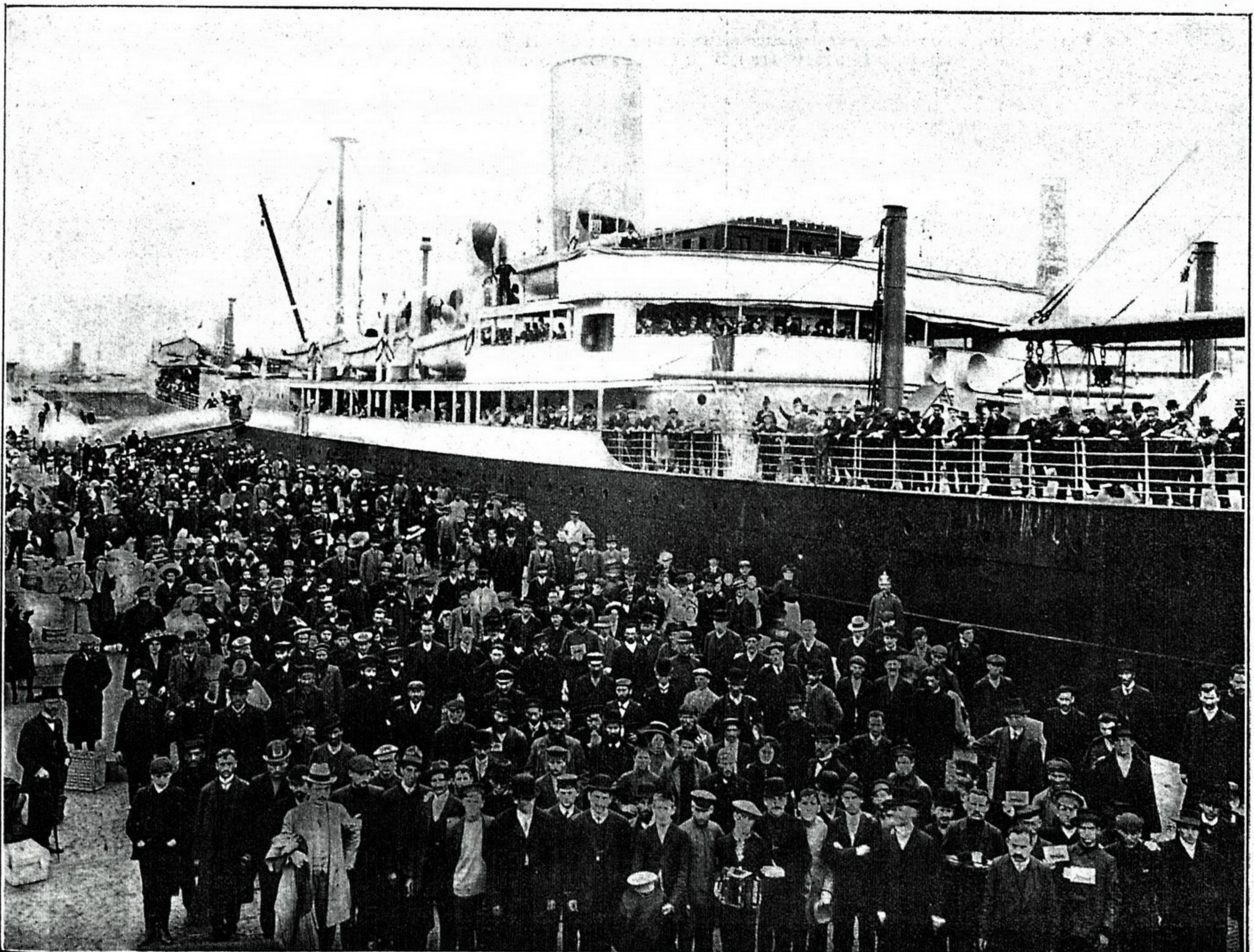
— Какъ вы добры, madame!

— Флора, твою руку, дитя мое... О! у меня такія скверныя ноги... пора уже на тотъ свѣтъ отправляться.

— Не говорите такъ, madame, вы, вѣдь, знаете, какъ мы всѣ любимъ васъ...

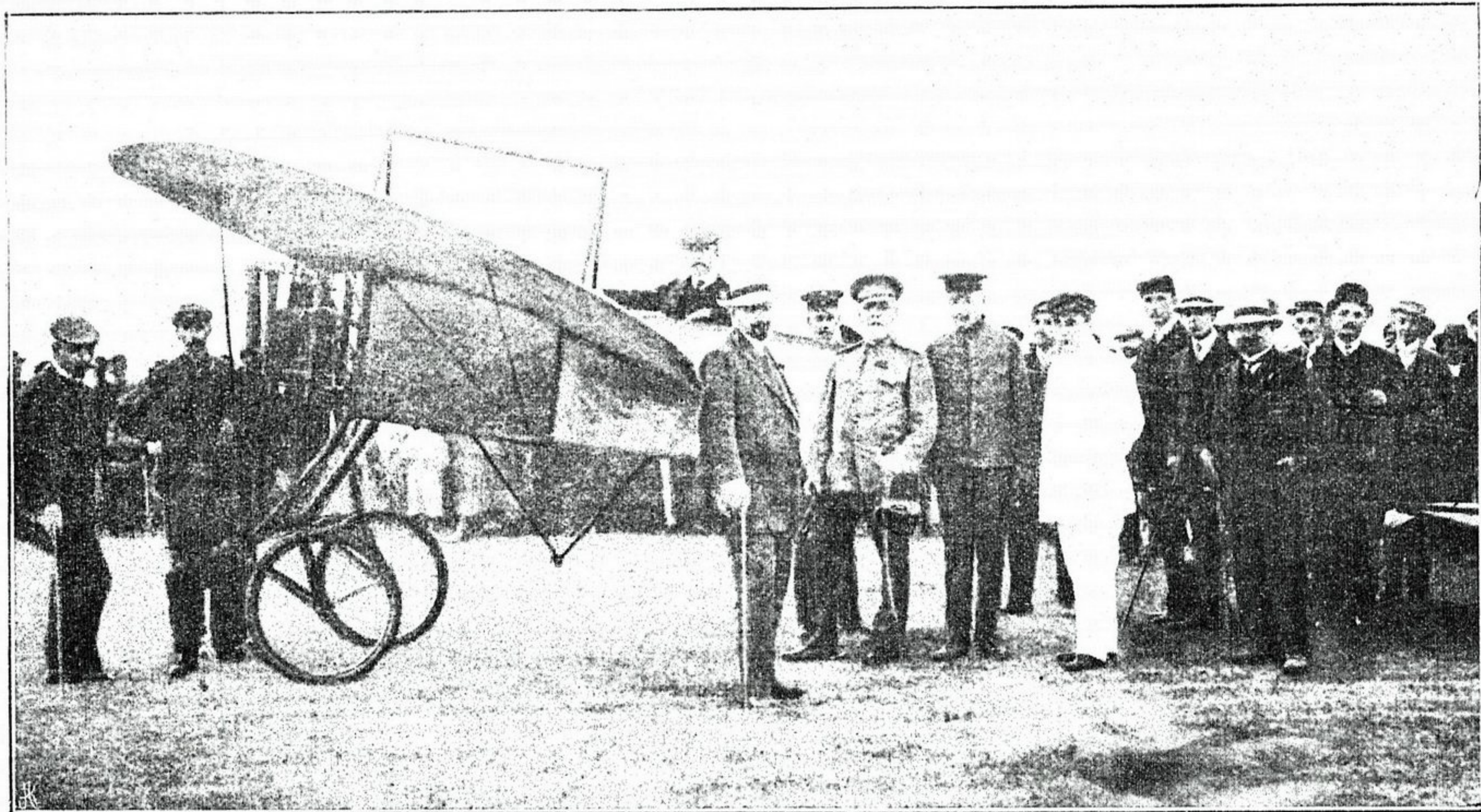
Онѣ поднялись по лѣстницѣ, и наверху Флора внимательно посмотрѣла на себя въ зеркало.

— Неправда-ли, madame, у меня совсѣмъ видъ порядочной женщины? — спросила она съ увлеченіемъ. — Никакихъ украшеній, ни колець, ни серегъ, ни ленты даже. И пудры нѣтъ на лицѣ. Прежде, чѣмъ я уйду къ моей дѣвочкѣ, я все моюсь бѣлымъ мыломъ безъ запаха... И я ни за

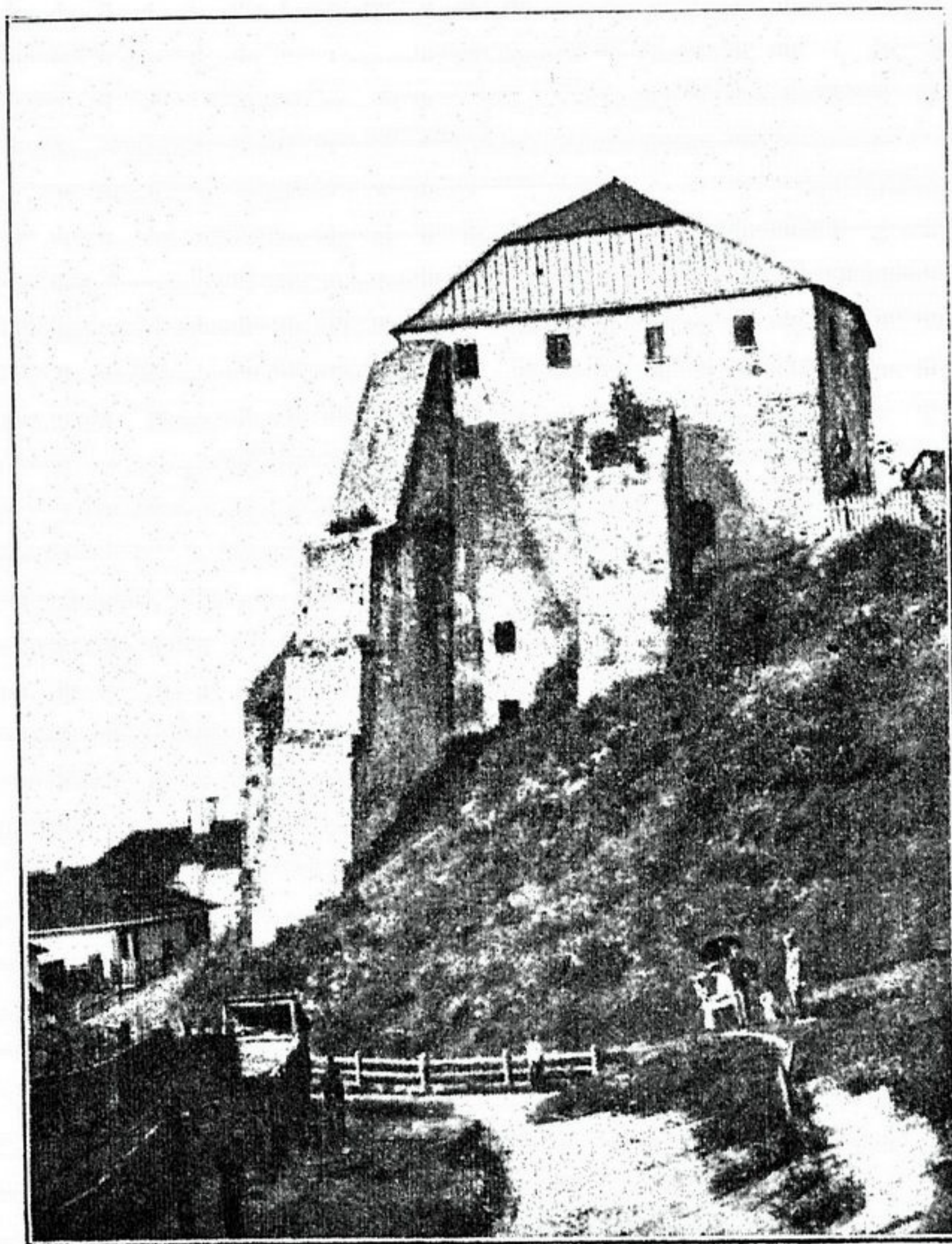
41-ая партія еврейскихъ эмигрантовъ (237 чел.), отправленная изъ Времена въ Гальвестонъ Еврейскимъ Эмиграціоннымъ Обществомъ въ Кіевѣ.

Нъ предстоящимъ полетамъ на аэропланъ инж. Гейне въ Кіевѣ.

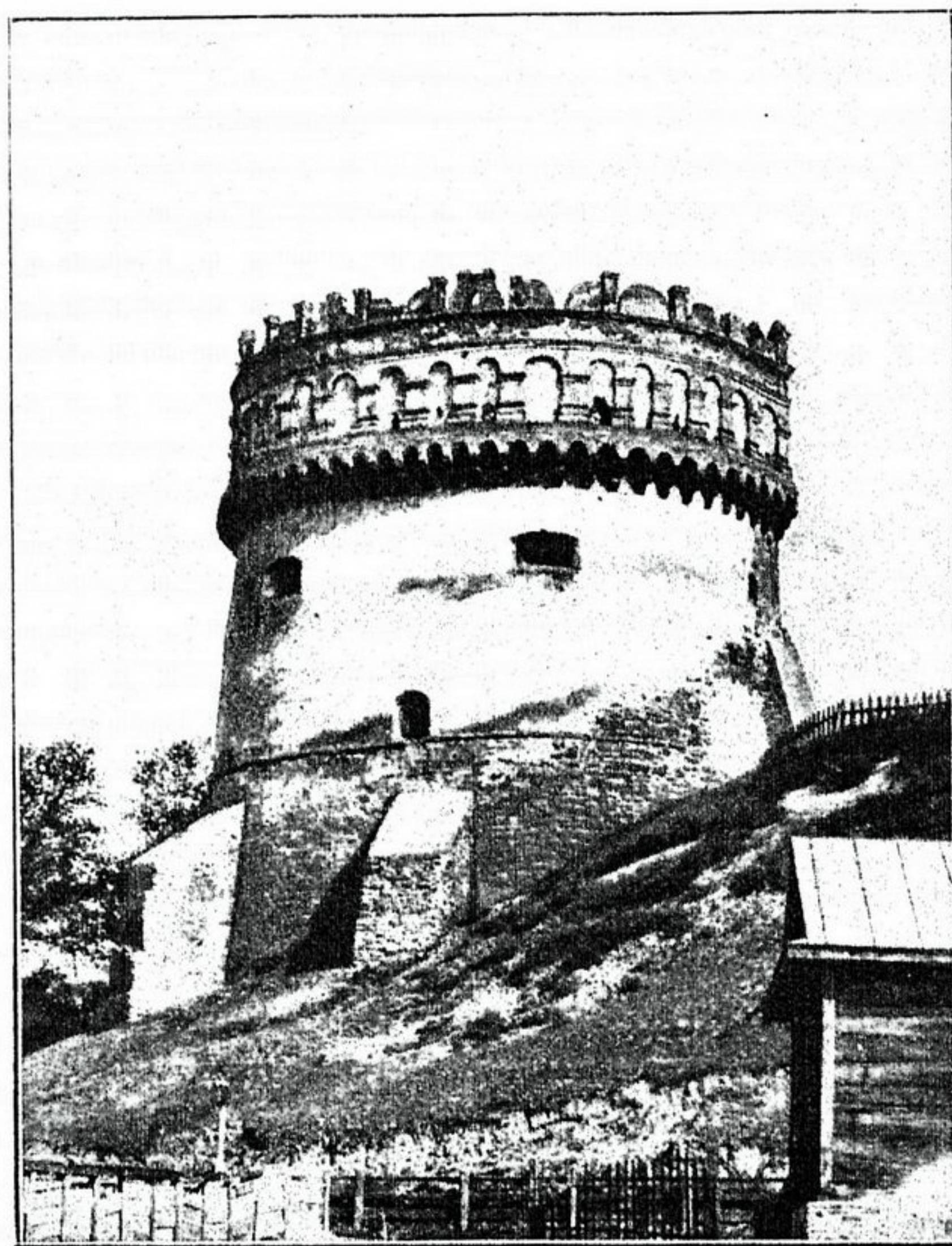

Авиаторъ Гейне. Экзаменаціонная комиссія (на званіе пилота): И. Н. Дьяковъ, ген. Н. А. Сухомлиновъ (предс. о-ва воздухопл.), В. Д. Мержановъ, Значко-Яворскій, Мехъ.

ВИДЫ НАШЕГО КРАЯ.

Острожскій замокъ на Судовой горѣ въ г. Острогѣ.

Башня на Судовой горѣ въ гор. Острогѣ.

ПЕРЕДЪ ДУМСКИМИ КАНИКУЛАМИ.

Въ саду Таврическаго дворца. Группа фракціи прогрессистовъ.

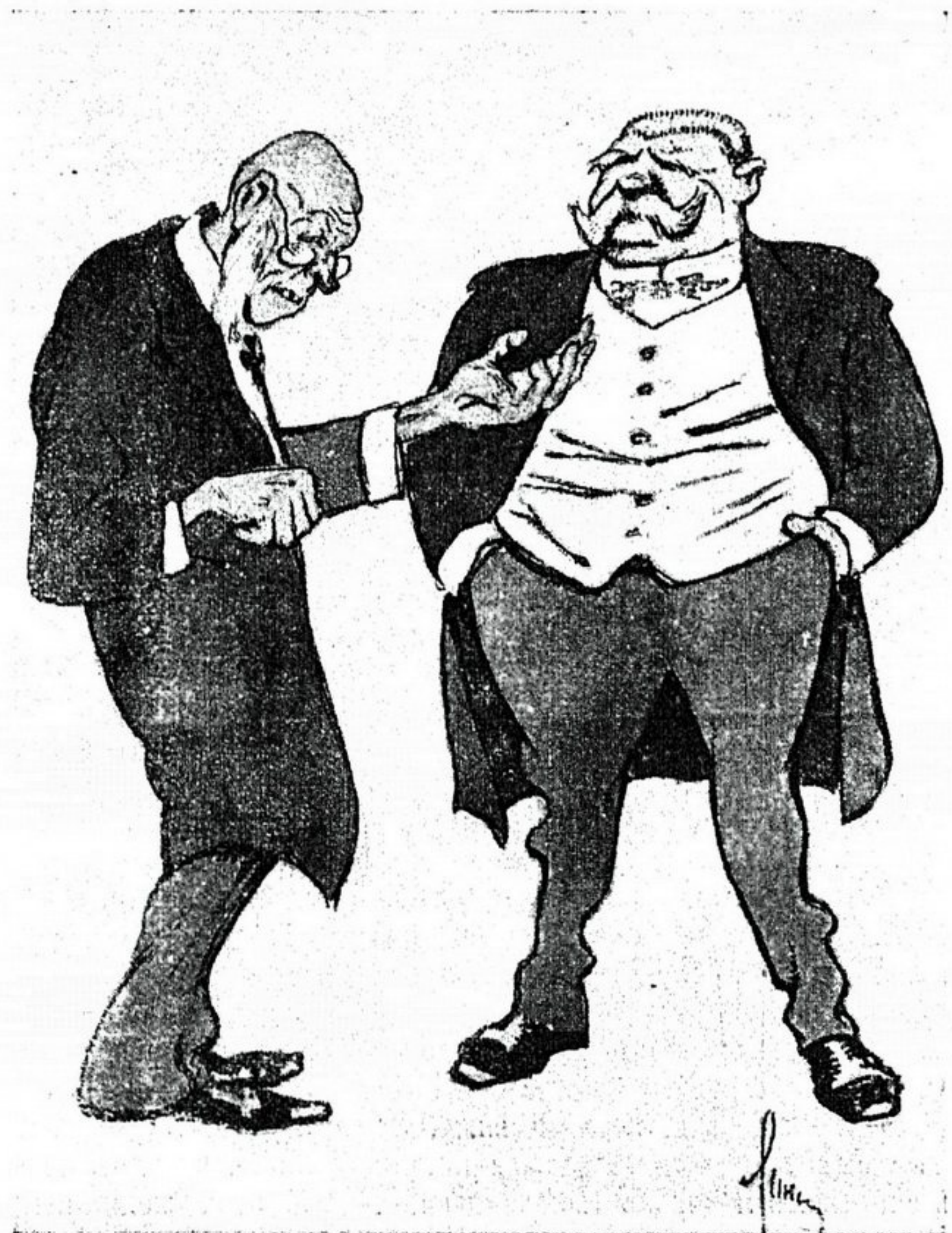
Депутаты у пруда Таврическаго сада.

Гастроли холеры въ Кіевѣ.

Интенданты.

Рис. М. Л.

— Послушайте, правда, что васъ выгнали со службы?
 — Ну, вотъ еще!.. Я, все равно, уже самъ собрался въ отставку..

Марковъ Ш.—Здорово! Ха Ха... Повеселились, совсѣмъ огонь заплевали, одни угольки остались. Соберемъ угольки, да въ чайной самоваръ поставимъ, да съ Володей чайку попьемъ... поработали! Ха, ха, ха!.

Гучковъ.—Что жь!? конечно огонь не горѣлъ бурнымъ пламенемъ, которое все освѣщаетъ, но и обжигаетъ; онъ былъ исполнѣн достаточенъ чтобы сварить „вермишель“, погрѣться, закурить сигару... чего же еще?!

Милюковъ.—Интеллигенція страны! пожалѣйте меня, бѣднаго! Гдѣ ужъ тамъ и широкая конституціонная программа, только и смотри, чтобы совсѣмъ огонь не потушили. Но зато съ гордостью скажу, что все таки не потушенъ у насъ огонь, нѣтъ же потушенъ!!! А вы что думаете, читатель?? („Сатир.“).

какія деньги не надушилась-бы передъ уходомъ. А моя дѣвочка все еще не хотѣла поцѣловать меня!.

— Бѣдная Флора!—вдохнула мадамъ.

— О,—какъ это тяжело для матери, какъ тяжело!

Сбросивъ свое скромное платье, Флора стояла теперь въ кокетливомъ бѣльѣ, съ открытымъ, полнымъ, еще свѣжимъ бюстомъ, и madame, любуясь, глядѣла на нее.

— У тебя хорошенькая родинка на плечѣ,—замѣтила она.

— Вы находите?—отозвалась Флора, чрезвычайно польщенная, и снова начала изливаться!—Я очень, очень несчастна... Когда я подхожу къ дому, я сначала тайкомъ заглядываю въ садикъ передъ домомъ, гдѣ играютъ дѣти... И я вижу свою дѣвочку... О, что это за маленькій ангелъ! Она такая хорошенькая! И вотъ, я вижу, она играетъ, смѣется, ея маленькое личико сіяетъ счастьемъ и довольствомъ—я счастлива... такъ бы, кажется, и осыпала бы поцѣлуями это маленькое сокровище... Но, какъ только она замѣчаетъ меня,—она быстро убѣгаетъ къ нянькѣ... И, когда мнѣ приносятъ ее, личико ея недовольное, она

ни за что не хочетъ на руки ко мнѣ... А когда я ее хочу поцѣловать, она съ силою отталкиваетъ меня своими рученками и начинаетъ кричать... О, вы не можете себѣ представить, какъ она кричитъ...

— Дѣти всегда капризны, Флора, это ничего.

— Но, вѣдь, я не заслуживаю этого, madame, за всѣ свои заботы о ней... Клянусь вамъ, что она одѣта лучше всѣхъ... Тамъ дѣвочка мясника. Это богатые люди, а возлѣ нея моя дѣвочка похожа на маленькую принцессу... Правда, я всѣ деньги трачу на нее... хотя я не потому заговорила объ этомъ, что мнѣ жалко ихъ... Я никогда ничего не стану жалѣть для своей дѣвочки. Но почему, скажите, почему она не любитъ меня? Конечно, я не особенно ждала ея появленія на свѣтъ... я хотѣла даже помѣшать этому... вѣдь, при нашей работѣ это не рекомендація... Но съ тѣхъ поръ, какъ она родилась... вы знаете, madame, что мнѣ не въ чѣмъ упрекнуть себя. У этой женщины имѣются малютки изъ воспитательнаго... У меня сердце болитъ, глядя на нихъ, сознавая, что родители бросили этихъ крошекъ... Я бы скорѣе повѣсилась, чѣмъ бросить своего ребенка... А она меня терпѣть не можетъ...

— Успокойся, Флора... Ты совсѣмъ испортишь себѣ лицо слезами...

— Да, да,—это правда, madame. Пятна выступаютъ на лицѣ, подумаютъ, что я больна.

Она промыла водой свои покраснѣвшія и распухшія вѣки, и занялась кремомъ, пудрой.

Но она не обо всемъ рассказала еще madame, изъ боязни потерять ея симпатію.

Въ глубинѣ своей души она еще думала, какъ всѣ ея заботы были направлены къ тому, чтобы маленькому ангелу дать другіе поцѣлуи и ласки, чѣмъ тѣ, которые она рачкала въ своей профессіи. Когда она покидаетъ Парижъ, чтобы поѣздомъ добраться до маленькаго поселка, гдѣ жила ея дѣвочка,—она все время стояла на площадкѣ вагона, чтобы воздухъ освѣжилъ и оздоровилъ ее. А съ вокзала она, съ той же цѣлью, шла медленно, хотя ей очень хотѣлось поскорѣй увидѣть свою малютку и узнать—улыбнется-ли она ей сегодня, и, по дорогѣ, срывала свѣжія листья и цвѣты и прижимала къ своимъ щекамъ.

— Она даже не хочетъ брать игрушки отъ меня,—снова начала она,—и конфеты не беретъ, которыя я приношу ей. А когда я ухажу и, тайкомъ, издали слѣжу за ней,—я вижу, какъ она всѣ мои подарки принимаетъ изъ рукъ няньки... О,—она ей улыбается, словно ангелочекъ, обнимаетъ ее своими рученками, цѣлуетъ ее... Какъ бы я хотѣла, чтобы она такъ любила меня... Богъ несправедливъ!..

Madame съ чувствомъ сжимаетъ ея руки, и Флора уже не въ силахъ скрывать отъ нея что либо.

— Въ два съ половиной года—въ двадцать девять мѣсяцевъ, значить,—она не можетъ еще ничего понять... И, вообще, никто не можетъ догадаться, кто я. Вотъ жена мясника, на примѣръ, приняла меня за горничную графини.

— Не думай больше объ этомъ, Флора.

— Мнѣ кажется, что если-бы я знала, что дочь моя вырастетъ и... и... узнаетъ о томъ, что я... что я... узнаетъ, кто я та-

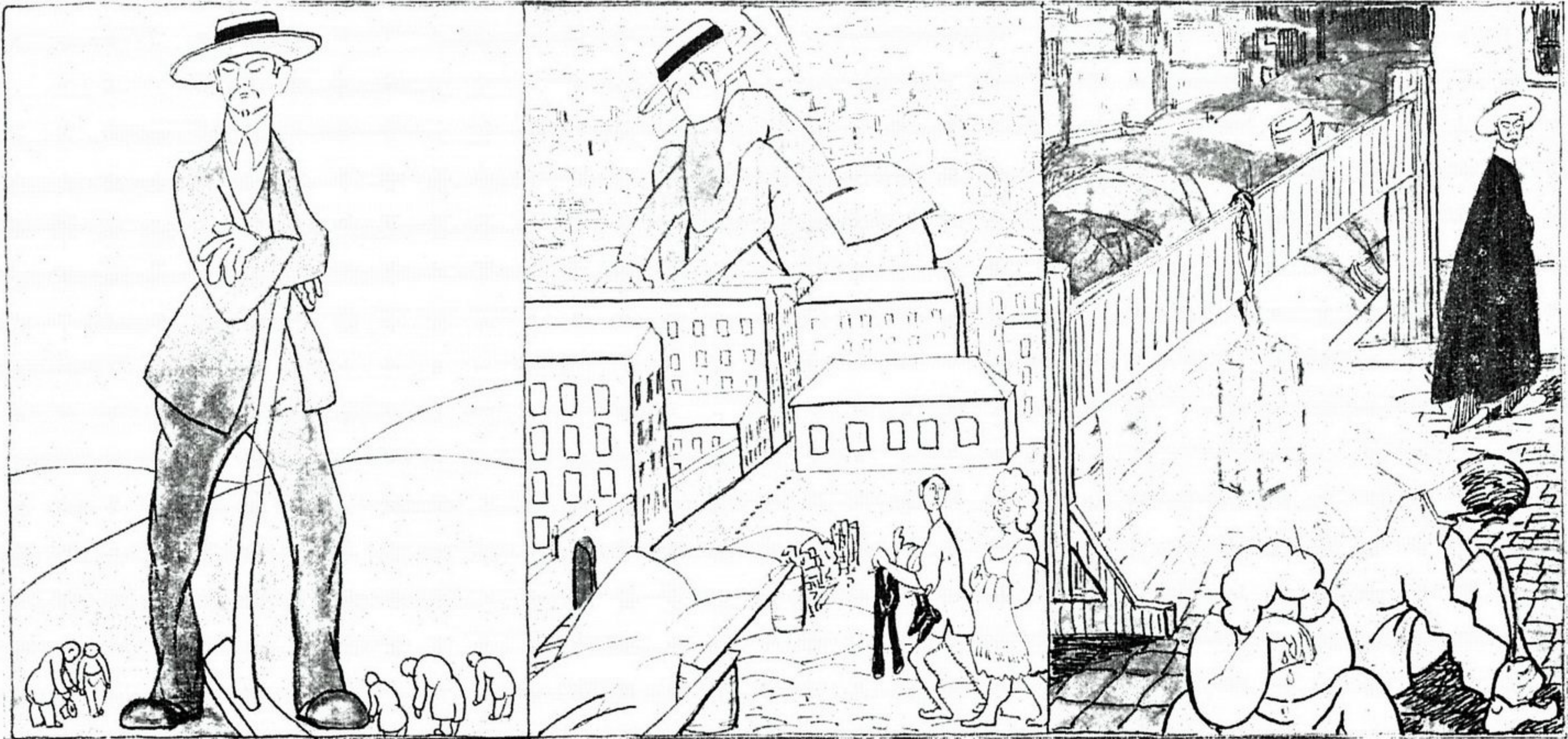

— Дѣтки, а вы поѣдете на дачу?

— Зачѣмъ же, вѣдь мама купила новую шляпу. („Сатир.“).

Какъ построить хорошую мостовую?

Рис. А. Б.

Нужно пригласить Демченко.

Все недвижимое и движимое имущество заложить...

Покорно ждать и ни въ комъ случаѣ не требовать.. отчета!.

кая... я предпочла бы умереть на мѣстѣ... Она будетъ честной дѣвушкой, когда вырастетъ большая... какъ я была раньше, пока со мною не случилось такого несчастья...

Рѣзкій звонокъ увѣдомляетъ, что внизу уже кончили обѣдать.

Madame принимаетъ достойный видъ, который ясно выражаетъ требованіе повиновенія.

— Флора, поторопись немного... Не бу-

демъ больше плакать... О, я прекрасно знаю, что не все въ жизни радуетъ насъ... Я иду.

Спустившись внизъ, она съ сочувствіемъ сообщала другимъ о горѣ ихъ товарки, а дамы, въ грубыхъ словахъ, возмущались жестокостью судьбы.

Раздались четыре звонка.

Madame встрепенулась.

— Скорѣе свѣту,—скомандовала она,— mesdames, не дѣлайте такого печальнаго лица, будьте веселѣе, больше жизни!..

Въ салонъ вошли трое мужчинъ, четвертый слѣдовалъ въ отдаленіи. Онъ обнималъ за талію мадемуазель Флору, которую увидѣлъ, когда она быстро спускалась, услышавъ звонки.

— Эта Флора... вѣчно она торопится,— пробормотала Фаношъ.

А madame ласково улыбалась, тронутая усердіемъ Флоры.

Г Д Ъ К О Н Е Ц Ъ ?

Сенаторъ.—Вотъ матеріалъ московской ревизіи, туркестанской, кіевской, варшавской... Еще, еще, еще.

(„Сатир.“)

ЭКЗАМЕНАТОРЫ.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Вы все еще думаете?

— Не трудитесь, не старайте—мѣста у насъ довольно.

— Громче говорите, пожалуйста!...

— Говорите откровенно—знаете или нѣтъ?

— Верите еще одинъ билетъ.

— Тоже не знаете?!

— Довольно! („Н. Вр.“).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА
 СИНЯЯ МАРКА и ПОДПИСЬ ГЛ. ПРЕДСТ.
Сибилла Вилья
 С.П.Б. ГОРОХОВАЯ 33
 въ АПТЕКАХЪ и АПТЕК. МАГАЗ.

АЛЬПИНА

ЛОЗАННА (ШВЕЙЦАРІЯ)

5091

ФОТО-ЦИНКОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Р. К. ЛУБКОВСКАГО
 КИЕВЪ, Владимирская № 46.
 ТЕЛЕФОНЪ 1276

КЛИШЕ ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ со
 ВСЕВОЗМОЖНЫМЪ РИСУНКОМЪ

на ЦИНКЪ, МЪДИ и ЛАТУНИ

ВЪ КАВКАЗСКОЙ МИНЕРАЛЬНОЙ ВОДѢ

БОРЖОМЪ

СОДЕРЖАТСЯ въ удачномъ сочетаніи всѣ главныя Цѣлебныя силы УГЛЕКИСЛО-ЩЕЛОЧНЫХЪ ВОДЪ

3218

ТИПОГРАФІЯ

Р. К. Лубковскаго,

Б.-Владимирская, № 46.

Телефонъ № 5.

Принимаетъ заказы всевозможн. типографскихъ работъ: печатаніе журналовъ, книгъ, брошюръ, прейсъ-курантовъ, бланковъ, конвертовъ, визитныхъ карточекъ и др.

Для гг. иногородн. заказчиковъ заказы могутъ быть высылаемы почтой или жел. дор.